

Дарья Зарубина

Нужен мне работник

Часть сборника
А зомби здесь тихие (сборник)

Дарья Зарубина

Нужен мне работник

«ЭКСМО»

2013

Зарубина Д.

Нужен мне работник / Д. Зарубина — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-457-35265-0

«...— Шел бы домой, Василич, – вполголоса проговорил он, досадливо качая головой. – Ну не дело это. У всех родня в работниках. Ты что мне дисциплину нарушаешь в колхозе? Этак все начнут к работникам ходить. Дояр оглянулся, бросил на председателя горящий страшной яростью взгляд, но тотчас опустил глаза и, ссутулившись, побрел прочь от сарая. – А ты куда смотришь, молокосос? Не хватило тебе того, что уже натворил! – напустился было председатель на Гришуню. – Ничего я не делал, дядя Савва, сто раз тебе повторял! – отозвался паренек. – А Варька дура, сама... Он недоговорил. Оба оглянулись на зоотехника и замолчали. Гришуня подошел к сараю, затолкал внутрь стоящую столбом мертвую Варю, запер двери, фыркнул и пошел восвояси. Председатель обернулся к Жаркову. – Ну, вот и увидел работников, – проговорил он серьезно. – Вот она, особинка знаменская...»

ISBN 978-5-457-35265-0

© Зарубина Д., 2013

© Эксмо, 2013

Дарья Зарубина

Нужен мне работник

Жердина была крепкая, толстая, раскалившаяся на солнцепеке, так что казалось, будто само дерево пышет жаром, стараясь сдержать янтарные смоляные слезы. Жарков потрогал ее, удивился, что такую хорошую жердь пустили на загородку. Старик не понял жеста. Видно решив, что приезжему неохота пачкать ручки, сам дернул слегу, вытягивая ее слева от стойки ворот, потом вторую, третью. Дорога была открыта. Жарков миновал ворота, старик провел следом за повод холеную блестящую лошадь.

– А что это у вас в такое пекло люди в поле? – спросил Жарков, вытирая испарину. – Народа не жалеет ваш председатель.

– Так это ж работники, – отмахнулся старик, – что им делается? В этом году сено хорошее. Жаль будет, если перегорит.

– А работников не жаль? – буркнул себе под нос Жарков.

– Вы, Алексей Степаныч, ничего плохого не подумайте, – заторопился оправдать своих старый почтарь, – председатель у нас хороший, добрый, за всех сердцем радеет. И народ отзывчивый, открытый. А работники – это уж так повелось. Еще в тридцатые годы. А то вижу, что вы нас осуждаете.

– Да с чего бы мне вас осуждать, Егор Семеныч, – отозвался Жарков. Он снял куртку и шел рядом с подводой, на которой ехали его вещи: тощий фанерный чемодан и клетчатый узел. Хотелось снять сапоги и пристроить их рядом с чемоданом, а самому пойти пешком, зарываясь босыми ногами с золотистую пыль. Но Жарков крепился и не снимал. Деревню он знал хорошо. Городским стал недавно, как на учебу приехал. А до этого был таким же, деревенским. И знал, что куда идет он за подводой по деревне, хоть, кажется, и не видать никого, а всякий через занавеску его сейчас рассматривает. И это первое впечатление потом колом не выколотишь, топором не обтешешь. А что это за «молодой специалист», раз без сапог ходит? Уважение в деревне приобрести трудно, удержать еще труднее, а потерять – и оглянуться не успеешь. За своих деревенские горой. Только чтоб в эти «свои» выбиться, всей жизни не хватит.

Жарков бывал по ту сторону занавески, знал, что творится сейчас в головах у деревенских, какие мысли бродят. Как перешептываются, обсуждают. Какую на первый взгляд снимут мерочку, по той и сошьют общее мнение.

Поэтому он шел выпрямившись, подняв голову. Пот бежал по позвоночнику, а ноги в сапогах горели огнем. И сейчас пожалел Алексей, что оставил на отвороте зеленый ромбик сельхозтехникума. Пшеничный сноп на значке так и сиял в солнечном луче, словно хвастаясь своей новизной, с головой выдавая неопытность хозяина. Поплавок прицепил для солидности, чтоб сразу видно было – молодой специалист, и только теперь понял, как смешно выглядит тот на его поношенном пиджаке. Но Егор Семеныч обращался к Жаркову почти-точно, временами даже как будто заискивал. И Жарков убедил себя, что пользы от значка все-таки больше.

На дороге скребли лапами пыль пегие куры. Почтарь шел медленно, словно и не страдая от зноя, сонно шагала лошадка. Большая курица, не желая замечать ни людей, ни лошадь, продолжала копать в пыли. Старик нагнулся, подцепил негодницу широкой ладонью и выдворил на лужайку. Ряба обиженно раскудаhtалась, хлопая крыльями.

– Ой уж, мать моя, как ты грозна. Вот как тебе Ревка на хвост наступит, – с улыбкой погрозил Егор Семеныч курице. И та сразу успокоилась, словно поняла его. Развернулась к обидчику пушистым кремовым галифе и уткнулась носом в траву, продолжая вполголоса выговаривать почтарю за непочтительное обращение.

– Чемпионка, – старик со значением поднял палец, – гордость колхоза. И хозяйки моей любимица. Иногда так и тянет поддать. Лезет под лошадь всякий раз, – доверительно сообщил почтарь. – Но поддашь разок, и Вера Юрьевна моя потом всю плешь выдолбит. Как это ее Советку сапогом поддели?

Жарков внимательнее присмотрелся к ковыряющей землю чемпионке, ничем не разнящейся с прочими курами, кроме несусветной наглости. На всякий случай решил первое время куриц обходить стороной. Кто ж знает, где у них еще чемпионка затешется. И мысленно отметил про себя, что неплохо бы разобраться, почему чемпионка не на птичьем дворе, а в деревне, возле домов гуляет. А еще повторил пару раз имя жены Егора Семеныча. Видно, на птичнике она верховодит. С такими надо ухо остро держать. Чуть ошибешься – склюют.

– А где птичник-то у вас, Егор Семеныч? – спросил Жарков.

– Ой, да вы не подумайте, что чемпионка-то у нас на дворе гуляет, – забеспокоился старик, словно прочитав мысли зоотехника. – У нас порой бабы на свой двор то куру, то поросю, то теленка берут. Если захворал или какой особый пригляд нужен. Но председатель все знает. Он не допустит, чтобы колхозу был хоть какой убыток. У нас бывает и работников кто из родных на свой двор сводит. Переодеть, причесать. Но потом всех возвращают. Тут председатель бранится. Работник ведь не кура, понимать надо.

Старик сбился и расстроился, что наговорил чужаку лишнего. Жарков из его объяснений понял только, что при всем богатстве Знаменского порядки тут странные, если не вредные. Но сгоряча решать не спешил.

Потом шли молча. Алексей оглядывал избы, крепкие, выбеленные, ровные, как волчьи зубы. Плетни с крынками, подсолнухи. Резные наличники, которых не постыдился бы любой председатель. Деревня и впрямь была богатая. Жарков отметил про себя уходящую за деревню дорогу, рубчатую, как стиральная доска – видно, по ней прогоняли колхозный скот, к которому присоединялись и коровки колхозников. Решил, что, как устроится, первым делом наведается в коровник. Коров Алексей и в детстве больше всего любил. Если бы не Зорька, не выжить бы им с матерью. Но уж Зорьку давно сдали и съели, а сам Алешка не малец бесштаный, а специалист, зоотехник. А все кажется – без коровы и двор не двор.

Когда Алексей уже готов был, не выдержав, спросить у провожатого, долго ли еще идти, подвода нырнула с дороги вниз, под завесь березовых ветвей. И невдалеке Жарков увидел выкрашенный синим бревенчатый дом. Справа от крыльца была приколочена украшенная грубоватой, но затейливой резьбой вывеска, извещавшая, что в этом доме находится и сельсовет, и колхозное правление, и вся местная администрация.

В кабинете председателя было не намного прохладнее, но Жаркову показалось, что его сбросили со сковороды в теплую воду.

Председатель поднялся ему навстречу. Жарков был уверен, что о его появлении Савва Кондратьевич знал с того самого момента, когда почтарь выдернул из загородки первую слегу, да что там – едва подвода показалась на краю поля за деревней. Но указать приезжему, кто в доме хозяин, стоило. Поэтому Семышев не вышел на крыльцо, а оставался сидеть, пока Егор Семеныч не открыл дверь в кабинет, пропуская Алексея. И только потом председатель поднялся с неторопливым достоинством, подошел и по-отечески обнял нового зоотехника.

– Ну, Алексей Степаныч, добро пожаловать в Знаменский колхоз. – Жарков открыл рот, чтобы отрекомендоваться по всем правилам, но председатель перебил его: – Наслышан-наслышан. Молодой специалист. Повоевал. Успел. Видел много, верно?

– Так точно, – отозвался Жарков, доставая из нагрудного кармана завернутые в клеенку документы.

– Полно, – отмахнулся Савва Кондратьевич. – К нам, Алексей Степаныч, случайного человека не пошлют. А каков ты специалист – в бумагах правды не напишут. Если место это тебя ждало, тотчас видно станет. Вот приступишь к работе...

– Да я хоть сейчас, – заговорил Алексей, понимая, что председатель не привык слушать. – Вот пристрою где-нибудь вещи, и тотчас могу к вам. Дела после прежнего зоотехника получить. А еще – не дадите ли кого в провожатые – конюшню, коровник, птичник посмотреть. На корма взглянуть, на условия содержания.

Председатель сверкнул на резвого чужака недобрый взглядом, но тотчас погасил его.

– Экий ты прыткий, Алексей Степаныч, сразу видно, только со студенческой скамьи. Без разбору в бой. Знания применить, технологии внедрить. Да-да, товарищ Жарков, и мы здесь слова разные знаем. И с технологиями знакомы. До тебя зоотехником Егор Иванович был, тоже не среднего ума человек, в документах оставил полный порядок.

– Умер он? – спросил Алексей.

– Егор-то Иванович? – переспросил председатель. – В работниках нынче Егор Иванович. Такая уж у знаменских судьба. Но насчет злоупотребления переживать не стоит, Алексей Степаныч. И торопиться не надо.

Председатель едва заметно качнул крупной, коротко остриженной головой, и почтарь исчез, прикрыв за собой дверь.

– Ты ведь, товарищ Жарков, воевал. И сам понимаешь, что бежать в атаку, не разобравшись, не выяснив расположения вражеских сил, это самая большая глупость, губительная и для командира, и для его солдат. Мы, по счастью, не враги, а советские граждане, которые всегда друг другу помогут и подскажут. Прими мой совет, Алексей Степаныч, как старшего товарища и человека, который всю жизнь отдал этому колхозу. Артель у нас большая, богатая, дружная, передовики. Однако не думал ли ты, товарищ Жарков, отчего про наш колхоз в газетах не пишут, отчего не строятся к нам в очередь другие опыт перенимать? Есть у Знаменского своя особенность. И пока с ней не обвыкнешься, пока в нашем укладе жизни не разберешься – не гони лошадей. Работников уж видел?

Жарков кивнул. Семышев промокнул платком лоб и наконец указал гостю на клеенчатое кресло возле своего стола, и зоотехник с облегчением опустился в него, стараясь не показать, как умаялся на жаре.

– Так что сам понимаешь, Алексей Степаныч, колхоз у нас нерядовой, особенный. Тут к людям совсем другой подход нужен.

Жарков кивнул, все еще не очень понимая, к чему клонит председатель. Но показать свое невежество не решился. По старинной русской привычке надеялся разобраться по ходу, на местах.

– Ты не думай плохого. – Председатель помедлил, подыскивая слова, но, видно, так и не подобрал, снова прошелся платком по лбу и шее. – Такая благодать, как у нас в Знаменском, просто не дается.

Председатель приподнял штанину и показал исчерна-синюю, раздутую голень.

– Вот чем мне, Алексей Степаныч, Знаменское мое обходится.

Жаркову неприятно было смотреть на мертвую, гадкую председателю ногу, он перевел взгляд выше и увидел, что и правая рука у Саввы Кондратьевича неживая, по загорелой коже тянулись к пальцам сиреневые и синие веточки вздувшихся вен.

– Но ты в голову не бери, – проговорил председатель весело. – С этим родиться надо. С тебя колхозная земля многого не потребует. Работай хорошо, и станешь своим. Так что я тебя, товарищ зоотехник, не тороплю. Срочности нет, к работе приступишь после солнцеворота. Дров-то наломать можно быстро. Только разве ж от этого будет польза советской власти? Присмотрись, подумай. Захочешь на другое место перебраться, пойдем. Потому как тут у нас не всякий приживается.

– Сам деревенский, – заверил Жарков.

– Вот и молодец, товарищ зоотехник, понимаешь, – Семышев похлопал Жаркова по плечу, – так что обживайся, не торопись. Вечером, как жара спадет, соберем правление, все дела тебе передадим, все расскажем. А пока устроим тебя у бабы Дуси, Евдокии Марковны. Дом у нее большой, муж погиб, сын, Игнат, с войны не пришел. Хозяина нет. Вот и поможешь ей, подсобишь. Бабка добрая, тихая, свинарка отличная. И сыт будешь. Паяк на тебя уже выписан. Гришуня проводит. А как обживешься, так мы тебе и работника дадим, и свой дом отстроим.

– Какого работника? – переспросил Алексей, совершенно сбитый с толку болтовней председателя. Умел Семышев зубы заговорить не хуже цыгана.

– Так ты ж вроде видел, говоришь, – осекся председатель.

– Видел, в поле люди работают, – ответил Жарков. – В самое пекло. Врагов, что ли, к вам стоняют в Знаменское, вредителей?

Председатель покачал головой, жалея, что поторопился в разговоре с зоотехником.

– Не так все просто, Алексей Михайлович, – заговорил он, приобняв по-свойски Жаркова за плечи, и от этого жар, что и без того давил Алексею на виски, окатил душевной волной, так, что даже дыхание занялось, и зоотехник закашлялся. Председатель поддержал его: – Вот придешь вечером, и объяснимся. А пока тебе передохнуть с дороги, поесть, вздремнуть немного не помешает.

Веки, лоб, затылок и правда начали наливаться свинцом. Алексей сам не заметил, как под разговор вышли на крыльцо. На ступенях – кепка набекрень, из-под козырька бумажная астра – ждал Гришуня. Молоденький парень, едва из мальчишек, в широких шароварах и белой рубашке. Гришуня окинул взглядом Жаркова и, усмотрев в нем соперника, задрал острый подбородок.

– Вот провожатый тебе, Алексей Степаныч, твоего знакомца Егора Семеныча, почтаря нашего сын, мой племянник. Если надо чего, ты у него спрашивай, – отрекомендовал Савва Кондратьевич родственника. Гришуня насупился.

– Пойдем, что ли, – проговорил он в сторону, когда Семышев скрылся за дверью. Вырвавшись из объятий радушного председателя, Жарков почувствовал себя лучше, переложил из руки в руку чемодан и узел, немного подумав, присел на ступени и стащил остервененные сапоги.

Баба Дуся оказалась и вправду хорошей хозяйкой. Дома у нее было чистенько и опрятно. Мухами насижено только по верхам, куда невысокая и полненькая Евдокия Марковна забиралась редко, перед праздниками. На окошках – строченные занавески, такие же – над бледной карточкой сына и портретом, на котором изображена была сама Евдокия Марковна с супругом. Портрет был плох. Бабу Дусю Жарков узнал лишь по родинке в углу глаза. Вид у супруга был глуповато-залихватский, ретушь сделала лица какими-то неживыми, будто воцелеными. На стенке над портретами припилены были вырезки из областной газеты, изображавшие Евдокию Марковну на работе, с поросенком на руках, окруженную огромными, как цепеллины, племенными свиньями. На снимках узнать хозяйку было проще, может статься и потому, что вырезки сделали совсем недавно. Газетная бумага почти не пожелтела, но углы уже начали заворачиваться и покрываться пылью и точками мушиных следов.

Одна беда, передовая колхозница Евдокия Марковна, напряженно смотрящая с газетного снимка, серьезная и собранная, только внешне походила на лучистую, круглую, курносую бабу Дуню.

– Да не смотри, Алексей Степаныч, не похожи совсем, – проговорила Евдокия Марковна, заметив, что Алексей разглядывает портрет. – Мой Георгий Иванович был мужчина

видный. Красивый был. А тут он совсем замухрышка. И астру ему на картуз зачем-то пририсовали. Да и я не похожа. Уж больно толста, – баба Дуня усмехнулась, погладила портрет и тотчас стерла передником след пальца на стекле. – Но какая-никакая, а память о нем. Карточки я уберу и в шкафу два ящика вам уже освободила. Мало будет, еще освобожу. Только скажите.

Баба Дуня жалостливо посмотрела на тонкий картонный чемодан, который Жарков, как вошел, оставил у двери, а узел и вовсе тихонько пристроил в снях.

– Ничего, Евдокия Марковна, – успокоил зоотехник. – Мне двух ящиков хватит. А за постель...

В этот момент из-за угла печки показалось сначала одно рваное поросячье ухо, затем хитрый черный глаз, потом свесился уголок второго уха. Жарков подмигнул поросенку. Маленький гаденыш истолковал это по-своему – он метнулся через прихожую прямо к фанерному чемодану и вцепился зубами в металлическую клепку на ручке.

– Чуберлен! Ах ты, зараза! – Баба Дуня оглянулась посмотреть, что привлекло внимание жильца, всплеснула полными руками. Поросенок пронзительно взвизгнул, опрокинул чемодан и сбежал, унося в зубах откушенную клепку. Только маленький розовый пяточок с черным пятнышком раз или два показался из-под кухонной занавески.

– Отдай, паскудник, Нота Чуберленская, только не заглатывай. – Баба Дуся бросилась отнимать у поросенка железку, но Жарков успел раньше, разжал свиненку челюсти и вытащил добычу из мелких желтых клычков Чуберлена. Поросенок верещал, как паровой реву. Но, оставшись без трофея, обиженно замолк, повис на ладони Алексея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.